

женіи и заставилъ померкнуть другіе образы, другія представленія... Порою, сквозь сонъ, мелькала мысль о томъ, что я долженъ остановить этотъ караванъ, несущій смерть въ благословенную Нильскую долину; порою казалось мнѣ, что я и самъ служу сосудомъ, въ которомъ азіатская гостья пойдетъ далѣе въ глубь тѣхъ земель, куда она не могла бы проникнуть иначе. Какъ тяжелый кошмаръ, давили меня эти неотвязныя мысли и не давали забыть мозгу, и безъ того усталому отъ впечатлѣній минувшихъ дней... Не много, вѣроятно, я спалъ въ эту ночь, потому что работа мысли не давала покоя; отдыхало тѣло, но не покоился умъ; что-то душило мою грудь, что-то заставляло трепетать и замирать сердце, что-то непонятное наполняло все мое существованіе...

IV.

Проснулся я на другой день рано, сонъ какъ-то бѣжалъ отъ меня. Когда я открылъ глаза и приподнялся, караванъ хаджей уже шевелился, несмотря на то, что всѣ улеглись очень поздно вчера, послѣ сцены заклинанія худхуда. Солнце еще не взошло, но по всему небу уже побѣжали пурпуровыя, багровыя и золотистыя съ краснымъ полосы, которыя, играя по голубому небосклону, то расходясь, то сливаясь, производили игру утренней зари. Чтобы видѣть это прекрасное явленіе природы во всей его красотѣ, надо пойти самому въ пустыню, переспать на ея пескахъ подъ покровомъ безоблачнаго неба и его блестящихъ созвѣздіи, и, вперея свой взоръ въ небеса, обрызганныя ихъ серебристымъ мерцаніемъ, дожидаться того часа, когда на ясномъ сводѣ померкнуть свѣтила ночи, и, утопая въ набѣгающемъ откуда-то на небосклонъ бѣловатомъ свѣтѣ, уйдутъ въ безпредѣльную надзвѣздную глубину. Тогда почувствуетъ каждый, кто до сихъ поръ жилъ далеко отъ природы, забившись въ тѣсныя конуры городовъ, все величіе и красоту мірозданія; тогда ему станетъ понятно, почему арабъ—этотъ сынъ пустыни, который ежедневно видитъ и золото, и пурпуръ, и лазурь на востокѣ, обращаетъ туда свое лицо и, повергаясь въ прахъ, полный благоговѣнія произносить свой утренній феджэръ (утренняя молитва)... Я провелъ уже много ночей въ пустынѣ на ея сыпучихъ пескахъ подъ покровомъ одного неба и много разъ любовался чуднымъ восходомъ дневного свѣтила; мнѣ была знакома волшебная картина этого явленія, и, несмотря на то, каждое утро съ одинаково напряженнымъ